

Следовательно, традиционное понимание ЛСП, основанное на синхронно структурных принципах, получает дополнительную характеристику за счет диахронного подхода. При диахроническом рассмотрении поля удается выявить не только структурно-логические свойства гиперонима. Историческая перспектива позволяет обнаружить у него особенную функцию — компенсаторную, которая заключается в способности гиперонима специализировать свою семантику относительно одного или нескольких участков поля и занять место соответствующих гипонимов, выпавших в силу каких-либо причин из лексической системы.

Таким образом, диахрония оказывается восстановленной в своих правах. Известно, что структурализм рассматривал ЛСП в процессе синхронии, но понятие системы, различия, оппозиции тесно связаны друг с другом и с логической неизбежностью ведут к понятиям зависимости и взаимозависимости. Между членами оппозиции существует взаимосвязь такого рода, что, если затронут один из них, это тот час отражается на положении другого, и как следствие, равновесие системы нарушается, что может повлечь за собой создание новой оппозиции в другой точке для восстановления равновесия. В этом отношении каждый язык в каждый момент истории обнаруживает особую систему. Такой взгляд свел в лингвистику понятие эволюции, определяя диахронию, как отношение между следующими друг за другом системами. Бенвенист считает, что взаимосвязь всех элементов системы (в нашем случае ЛСП) приводит к тому, что всякое повреждение, нанесенное в одной точке, нарушает всю систему отношений и влечет за собой ее перестройку в новую систему. Поэтому диахронический анализ состоит в определении двух последовательных структур и установлении отношений между ними, а также в определении того, какие части предшествующей системы подверглись изменению или находились под угрозой его, и как подготавливалось решение, осуществившееся в последующей системе. Благодаря этому оказалось разрешенным противоречие между синхронией и диахронией, которое оспаривал Ф. де Соссюр.

ОСОБЕННОСТИ ИНКОРПОРАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Смирнова Е. А., Высшая школа экономики (Пермь)

Традиционно инкорпорация считается характерной чертой полисинтетических языков, например, чукотского, могавка, кабардино-черкесского и др., однако, непродуктивные сложные слова типа «имя + глагол» отмечены в разных группах индоевропейских языков, не являющихся полисинтетическими, в частности в английском и русском, что позволяет поставить вопрос о наличии данного явления в этих языках.

Как показал анализ литературы, среди ученых нет единого мнения по данной проблеме, что связано, на наш взгляд, с различным толкованием понятия инкорпорация. Ряд ученых (М. Бейкер, Р. З. Гинзбург, И. А. Муравьева) полагают, что, несмотря на то, что в английском языке, как и во многих других индоевропейских языках, появляются новые глаголы, которые внешне похожи на инкорпоративные комплексы, их нельзя считать примерами инкорпорации. Аналогичной точки зрения придерживаются лингвисты, изучающие русский язык (В. А. Плунгян, А. Ю. Мусорин). С данной точкой зрения нельзя не согласиться, если рассматривать инкорпорацию лишь как особый способ синтаксической связи, не принимаю во внимание ее словообразовательный потенциал.

Однако существует и противоположная позиция. Такие исследователи, как М. А. Анохина, О. Ю. Афанасьева, Л. В. Мерзлякова, Л. Ф. Омельченко, Е. В. Падучева, А. А. Смирнитская, Р. Холд считают, что отдельные черты инкорпорированных языков, выражающихся в способности глагола включать в свой состав актанты и сирконстанты, присутствуют в английском и русском языках. Такие образования могут считаться примерами инкорпорации, поскольку с семантической точки зрения они эквивалентны сочетаниям глагола с каким-либо актантом, имеющим самостоятельную синтаксическую позицию. Например, глаголы *to houseclean* — *убирать дом, квартиру*; *to brainwash* — *«промывать мозги», подвергать идеологической обработке*; *to fortune-*

tell — *гадать, предсказывать будущее*; *рыболовствовать* — *ловить рыбу*; *престолонаследовать* — *наследовать престол*; *зубоскалить* — *скалить зубы* — эквивалентны словосочетаниям глагола с прямым дополнением; *to handweave* — *ткать вручную* — *to weave with hands*; *to finger-paint* — *рисовать пальцами* — *to paint with fingers*; *руководить* — *делать что-то руками*; *рукоприкладствовать* — *прикладывать руки*; *умозаключать* — *заключать умом*, т. е. глаголу с инструментом (неотчуждаемым орудием); *to skydive* — *совершать затыжной прыжок с парашютом* (букв. *нырять в небо*) — *to dive into the sky*; *air-drop* — *сбрасывать с самолета*; *домоседствовать* — *сидеть дома*; *казнокрадствовать* — *красть из казны*, т. е. глаголу с локативом и т. д.

Безусловно, природа инкорпорация в русском и английском языках и в полисинтетических языках различна. Если в полисинтетических языках инкорпорация — единственно возможный способ синтаксической связи, то в языках, не являющихся полисинтетическими, таких, как русский и английский, — это особый способ синтаксической связи, альтернативным традиционному для данных языков, который больше напоминает способ словообразования.

Инкорпорация существительных в английском и русском языках и языках, например, американских индейцев имеет разное происхождение. Так, выделяется три источника возникновения инкорпоративных комплексов в английском языке: 1) путем обратного словообразования от имен существительных, заканчивающихся на суффикс *-er*, например, *kidnapper* — *to kidnap*, *babysitter* — *to babysit*; 2) путем обратного словообразования от абстрактных существительных, обозначающих действия (например, *mass production* — *to mass produce*; *arm-wrestling* — *to arm-wrestle*); 3) путем конверсии из сложных существительных (*stage whisper* — *to stage whisper*). В русском языке инкорпоративные комплексы образуются в основном путем словосложения: *престолонаследовать* — *престол + наследовать*, *боготворить* — *Бог + творить*, *кашеварить* — *каша + варить*; а также обратного словообразования от существительных, обозначающих человека: *хлебопашествовать* — от *хлебопашец*, *казнокрадствовать* — от *казнокрад*.

ТЕОРИЯ КОНСТРУКТИВИЗМА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Фурашова Н. В., Минский государственный лингвистический университет

В ходе развития науки о языке лингвистами и философами в разное время, в разных странах и в разной форме высказывались мысли о том, что язык фиксирует не внешний мир, а картину этого мира в сознании человека. В качестве примера можно привести идеи Дж. Локка о зависимости картины мира от биологической организации человека, В. Гумбольдта о том, что язык представляет не сами предметы, а понятия о них, «самодеятельно образованные духом», А. А. Потемби о самодеятельном толковании мира; работы представителей теории лингвистической относительности, идеи о человеческом факторе в языке, о лингвокреативной деятельности сознания, о соотношении субъективных и объективных факторов в языке, о препарации действительности в процессе лингвокреативного мышления и даже о ее искажении, идею о телесной воплощенности и о «соперничающих моделях» интерпретации мира Дж. Лакоффа и под.

Развивая и обобщая указанные положения, лингвисты, работающие в современной парадигме лингвистических исследований, выдвигают идею о том, что реальность, в которой мы живем — это конструкция самого субъекта и что именно эту конструкцию фиксирует язык (см. труды У. Крофта, Д. Геераертса, Дж. Тейлора, Е. С. Кубряковой и др.)

Важно подчеркнуть, что речь идет не столько об определенных ограничениях, заданных биологической организацией человека, которая у носителей разных культур одинакова, сколько об избирательной заинтересованности субъекта познания. Язык отражает действительность, сконструированную нами для наших нужд и на основе наших возможностей. Ощущения, испытываемые субъектами познания, принципиально схожи, осознание же и интерпретация их субъективно и культурно обусловлены.